

ЛИАННА БЕНИАМИНОВНА МАТЕВОСЯН
 доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации факультета русской филологии, Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)
lianna.matevosyan@ysu.am

ВЫСКАЗЫВАНИЕ В «ПАУТИНЕ» КОНТЕКСТА

В процессе коммуникации говорящий воздействует на слушающего, побуждая его узнать свое намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. Часто одно и то же высказывание может иметь множество значений, которые ситуационно обусловлены и оформлены. В процессе общения слушающий дифференцирует их благодаря интонации и конситуации. Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога. Иностранцам такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место в обучении иностранцев живой русской речи.

Ключевые слова: высказывание, живая русская речь, множество значений, конситуация, интонация

По справедливому замечанию швейцарского лингвиста Ш. Балли, «... для каждого из нас язык, которым он пользуется ежеминутно и на котором выражает свои самые сокровенные мысли, является богатейшим источником самого достоверного лингвистического материала» [3: 38]. Таким источником является разговорная речь. «Воистину, – считает О. А. Лаптева, – настала пора конкретизировать мысль Л. В. Щербы, высказанную много десятилетий тому назад применительно к разговорной речи, – о ее роли как **кузницы языковых изменений**» (выделено нами. – Л. М.) [10: 345]. Ф. де Соссюр писал: «... наилучшим способом выделить единицы языка является именно анализ речи, выступающий в виде регистрации языка, поскольку мы не имеем возможности изучать то, что происходит в клеточках нашего мозга» (цит. по: [14: 14]).

При общении мы пользуемся знаками языка. Языковой знак обладает определенным, ясно осознаваемым значением. Ученые по-разному понимают значение: 1) значение – образ или информация (Л. О. Резников); 2) значение – обозначаемый предмет (считают логики); 3) значение – отношение (Л. А. Абрамян); 4) значение – функция, роль знака (И. С. Нарский). Наиболее верной нам представляется точка зрения Л. А. Абрамяна: значение – это отношение между элементами так называемой знаковой ситуации [1]. «Знаковая ситуация есть совокупность реальных семиотических элементов: знака, предмета, субъекта, других знаков, других субъектов, – закономерно связанных между собой» [7: 97]. Значение проявляет себя только в таких ситуациях, в которых функционируют знаки. Значение – это такое свойство знака, которое позволяет знаку служить посредником между

человеком и предметом обозначения. Значение позволяет знаку заменять собой предмет обозначения в актах коммуникативной и интеллектуальной деятельности человека. Знак воздействует на адресата потому, что он обладает значением. Каждый знак имеет значение до известной степени общее для множества или большинства людей, которые вместе с тем являются истолкователями, интерпретаторами знака. Безусловно, условием существования языка и является общепонятность знаков. Однако не следует забывать о «многозначности» знаков, возникающих в различных конситуациях общения. Таким образом, можно говорить лишь об относительном постоянстве значения знака: к конситуативной обусловленности значения знака присовокупляется также индивидуальное его истолкование [9: 44].

В процессе коммуникации говорящий воздействует на слушающего, побуждая (заставляя) его узнать свое намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. «Не всегда можно судить по значению предложения о том, что хочет сказать говорящий своим высказыванием», – писал Дж. Серл [18: 68]. Обычно такие «значения говорящего» ситуационны. Они, впитывая в себя конкретную коммуникативную ситуацию, рождаются и тут же погибают, не становясь достоянием всех носителей языка. С другой стороны, в процессе речевого общения мы наблюдаем, как те или иные «значения говорящего» (косвенные смыслы) повторяются и в силу этого закрепляются за данным высказыванием, которое используется уже не одним, а всеми членами языкового коллектива.

Сравним два внешне одинаковых высказывания, различающихся по смыслу: *Что вы (ты)*

делаете(-шь)?! – 1) как «вопрос-проявление интереса» и 2) как «констатация неодобрения» (= *Я не одобряю Ваших (твоих) действий*). В первом случае высказывание выступает в прямом значении – в значении вопроса о смысле действий адресата. Во втором случае мы имеем прагматическую интерпретацию (значение, которое имеет в виду говорящий) высказывания (см. [8: 370]).

Задача прагматики, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «...вывести те общие закономерности, которые действуют в беспокойной безбрежности субъективных смыслов, и установить степень их конвенциализованности» [2: 357].

Частотность многозначных высказываний в диалоге не удивляет, ибо именно «...диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и – шире – как форма существования языка» (выделено нами. – Л. М.) [5: 300]. Еще Л. В. Щерба указывал, что «...подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге» [17: 4]. Если целью речевой деятельности является коммуникация между членами коллектива, то представление о коммуникации, взаимодействии, контакте связано именно с диалогом. «Ситуация, неотъемлемая от использования языка, есть ситуация обмена и диалога...» [4: 27]. В качестве единицы диалога принято выделять диалогическое единство (см. [16]). Диалогическое единство представляет собой минимальную структурно-семантическую текстовую единицу диалогической речи, соотносимую со сверхфразовым единством в прозе. Диалогическое единство состоит из двух, реже – трех или четырех предложений-реплик, тесно связанных между собой по смыслу и структурно. Именно диалогическое единство чаще всего является тем микро-текстом, в котором многозначное высказывание разворачивается, реализуя свое значение.

Иногда для понимания многозначного высказывания достаточно части диалогического единства, либо, наоборот, границы диалогического единства раздвигаются, расширяются. Контекст функционирования многозначных высказываний – это речевые построения, при помощи которых говорящие создают одну мысль. Обрамлением мысли говорящих является ситуация. Лингвистическая ситуация – это «содержательный базис жизни языка в социуме». При этом «функционирование языка в социуме не только ситуационно определено, но и ситуационно оформлено» [13: 150]. Многозначные высказывания, как правило, многоситуативны.

Многие высказывания речевого этикета многозначны и многоситуативны, но они носят ритуальный характер и в буквальном значении (значении «пожелания») употребляются редко. Однако Женьке, герою рассказа В. Токаревой «Зануда», присуще «...буквальное, прямое по-

нимание формул речевого этикета, без учета их условности, ритуальности. “Здравствуй” он понимал как “будьте здоровы”, а “до свидания” как “до следующей встречи”. Ср.: В пять часов с работы вернулся Юра. Увидев его, Женька остановился и замолчал. – Добрый день, – поздоровался Юра. – Да, – согласился Женька, потому что считал сегодняшний день для себя добрым. Юра удивился такой форме вежливости» [11: 189].

Иногда буквальное понимание многозначного высказывания – всего лишь игра слов (каламбур), например:

...Где такая сила? – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами:

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Вот те раз?

– Вот те два. Я такой силы не знаю. (В. Шукшин, Верую).

Или ответ *Сколько лет, столько и зим* на восклицание *Сколько лет, сколько зим?!*

Многозначность в многоситуативных высказываниях развивается на базе их эмоционального переосмысления говорящим. Высказывание *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)?* употребляется в прямом (буквальном) значении, равно сумме лексических значений составляющих высказывание слов (ср.: синонимичное ему предложение *Что тебе (вам) дать?*), и в значении «выражения недовольства», что является результатом эмоционального переосмысления его значения говорящим, которое в речи реализуется и дифференцируется благодаря ситуации и интонации. (Чувства свои мы выражаем не столько словами, сколько интонацией.) Например:

[Борис:] *Да я ведь не прошу мне отметки ставить за поведение. И расписываться в дневнике не прошу.* [Забродин:] *Нет, если бы ты поступил как полагается – ты бы просил. Ты бы всем свой дневник в нос совал.* [Борис:] *Чего ты хочешь от меня?* [Забродин:] *Хочу, чтоб ты был Забродин. Вот и все...* (И. Шток, Ленинградский проспект).

Высказывание *Что ты (вы) говоришь(-ите)?* употребляется в прямом значении «вопроса-просьбы повторить сказанное» и в значении «недоверия», «удивления-недоумения», «несогласия с мнением собеседника», «непонимания»:

[Катя (Мите):] *У него прекрасная тема для курсовой, уверяю тебя.* [Петя (хмуро):] *Невыгодно это.* [Митя:] *Что значит – невыгодно?* [Петя:] *Невыгодно – это и значит невыгодно. У меня вообще, честно сказать, последнее время раздумья, что я не туда пошел.* [Катя (в панике):] *Что вы говорите* {= Я не согласна с вами; Я не понимаю вас; Я недоумеваю.}, *Петя? Вы ведь на хорошем счету, способный студент.* (Э. Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря).

Высказывания *Что (это) такое? Что это значит?* употребляются как «вопрос с чисто

познавательной установкой» (выясняется, например, значение символа, слова) и могут выражать «непонимание» с оттенком «недоумения», а порой – «упрека» и «негодования». Ср.:

[Мотя (показывая книги):] *Вот тебе – шуба. Вот – коньки. А вот – варежки. Кто умен – догадайся, а кто глуп – молчи, жди до завтра.* (Уходит.) [Леонид (вслед):] *Не так, не так надо загадывать. Не дерево, а с листочками, не рубашка, а сшита. Что такое?* {чисто познавательный вопрос} *Книга...* (А. Афиногенов, Машенька).

[Нина:] *Что такое?* {«непонимание» = Что случилось? О чем речь?} *Кто нашелся? Какой брат?* (А. Вампилов, Старший сын).

[Эдуардов:] *Слава богу, отвязалась...* [Наконечников (вышел из оцепенения):] *Слушай, парень... Ты в своем уме или нет?* [Эдуардов:] *А что такое?* {«непонимание» с оттенком «недоумения»} (А. Вампилов, Несравненный Наконечников).

[Васенька (вдруг):] *Дрянь! Дрянь!* [Макарская:] *Что? Что такое?* {«непонимание» с оттенком «возмущения», «упрека»} *Ну и порядки!* [Васенька:] *Прости... Прости, я не хотел.* (А. Вампилов, Старший сын).

(Калошин «ворвался» в номер Виктории.) [Калошин:] (Виктория снова, на этот раз осторожно, открывает дверь.) (Спокойно.) *Вам кого?* [Виктория:] *Что это значит?* {«упрек»} [Калошин:] *Вы о чем?* [Виктория:] *Что вы делаете?* [Калошин:] *Я?.. Лежу, как видите.* [Виктория:] *Да, но... Что это значит?* {«негодование»} [Калошин:] *Ничего. Лежу, и все... Решил немного отдохнуть, полежать, почитать книжечку. Что же тут удивительного?* [Виктория:] *Но это... это... Очень даже странно!* [Калошин:] *Об чем разговор, не понимаю.* [Виктория:] *Это же просто... я даже не знаю...* [Калошин:] *А что такое?* {«непонимание»} *Что вас волнует, не понимаю...* (А. Вампилов, Провинциальные анекдоты).

Высказывания *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)? Что ты (вы) говоришь(-те)? Что такое? Что это значит?* полисемантически, между их значениями (прямым и переносным) существует определенная семантическая связь, имеются некоторые общие «элементы смысла» – значение «неопределенности». В одних высказываниях (*Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)? Что ты (вы) говоришь(-те)?*) семантический «зазор» между прямым и переносным значениями меньше, в других (*Что (это) такое? Что (это) значит?*) – больше. Эмоциональное переосмысление подобных высказываний в речи привело к образованию новых эмоционально-модальных значений. Таким образом, в речи чувства часто выражаются не только и не столько в слове, сколько в интонации, преобразующей значение целого высказывания.

Часто в семантике многоситуативных многозначных высказываний можно наблюдать яв-

ление синкретизма – такого сплава значений, который не поддается расщеплению, дифференциации. Такой сплав наблюдается, например, в высказывании *Вот как (что)?* Обычно оно выражает «удивление» (семантика такого типа предложений неопределенна, трудно объяснима, она обусловлена ситуацией). В определенной конситуации высказывание *Вот как?* может одновременно выражать и «удивление», и «сомнение», и «непонимание», и «неодобрение», и «упрек».

[Репникова:] *Пусть она любит проходимца, хулигана, черта рогатого – пусть.* [Репников:] *Нашей дочери ты желаешь...* *Вот как?* [Репникова:] *Так. И еще неизвестно, как лучше – так или по-другому.* [Репников:] *Я тебя не понимаю.* (А. Вампилов, Прощание в июне).

Вот как? может означать: *Я не понимаю, как ты можешь...; Я удивляюсь тому, что нашей дочери ты желаешь...; Я сомневаюсь в том, что...; Я не одобряю то, что ты...; Я упрекаю тебя за то, что ты...* Безусловно, в данном случае (как и во всех остальных) немаловажную роль играет интонация.

Таким образом, в высказывании «...форма часто способна выражать несколько, притом даже противоречивых, эмоций и часто выражает их не расчлененно, а синкретично – это отражает саму диалектику чувств живого человека» [6: 77].

Часто эмоциональное переосмысление приводит к такому разрыву значений, что рождается антонимичная пара, так называемая **энантнотомия**. Ср. *Ах вот как (что)?* – как «упрек» и как «радость»; *Хорош(-а, -и) (!)* – как «положительная» и как «отрицательная оценка кого-, чего-либо»; *Откуда только ты такой(-ая) взялся(-ась) (!)* – как «положительная» и как «отрицательная оценка кого-, чего-либо»; *Очень (Больно) надо (нужно) (!)* – как «необходимость» и, наоборот, «ненужность».

В подобных высказываниях роль интонации в выражении эмоционально-модального значения существенно возрастает, особенно «...если интонационная оценка противоречит лексическому значению слова» [15: 18]. (Ср.: *Хорош(-а, -и)!* или *Очень (Больно) надо (нужно)!* – сказанные иронически или с возмущением.) Высказывание *Откуда только ты такой(-ая) взялся(-ась)!* средним фразеологическим единствам (ср.: *держи карман шире, плакали наши денежки и т. п.*). Подобно фразеологическому единству его значение потенциально выводимо из семантической связи составляющих компонентов; по внешней же форме оно совпадает со свободным предложением. Высказывание *Хорош(-а, -и) (!)* в прямом значении выражает положительную эмоцию (оценку), в переносном – отрицательную. Высказывание *Очень надо (нужно)* в буквальном значении, значении «необходимости», употребляется реже. Чаще оно употребляется в значении «ненужно-

сти», выступая в качестве эмоционально-экспрессивного синонима предложения **Не надо/ Не нужно**, например:

[Лариса:] *Хочу, чтобы все началось сначала.*
[Валя:] *Опять в школу ходить? Очень надо!* {= Не надо.}[Лариса:] *Глупая ты, Валька.* (А. Арбузов, Иркутская история).

[Катя:] *...Помните эту пластинку? Ну, вспомните же быстро!* (Митя и Демин молчат.)
[Катя (качает головой):] *Вы действительно мхом обросли* [Демин (радостно):] *Вспомнил!* [Митя (удивленно):] *И что же такое сногшибательное ты вспомнил?* [Демин:] *А я Кате на ухо скажу.* (Встает, полупоклоном приглашает ее на танец.) *А ты сам постарайся вспомнить. Напряги головку-то, напряги малость.* [Митя (обиженно):] **Больно надо.** {= Не надо.} (Э. Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря).

[Валя:] *Может, я вам приглянулась? Витенька, отойди, я тебя, кажется, разлюбила.* [Виктор (смеется):] **Нужна ты ему больно!**{= Не нужна ты ему.} *Он у нас парень дорогой. Лучшие на всем свете нет.* (А. Арбузов, Иркутская история).

Реализация данных высказываний в двух полярных, диаметрально противоположных, антонимичных значениях обусловлена прежде всего интонацией, важнейший компонент которой – ударение, словесное и смысловое. «Именно ударное слово является главной “точкой” выражения подтекста, а значит, и средоточием эмоций» [15: 10].

В высказывании **Очень надо (нужно)** в значении «необходимости» или «отрицания» логическое/смысловое ударение может падать как на слово **очень**, так и на слово **надо (нужно)**; иначе говоря, интонационный центр на слове **очень** (ИК-1) или **надо (нужно)** (ИК-6) не меняет значения высказывания (ср.: **Очень надо/нужно** и **Очень надо/нужно**). Здесь антонимия – результат эмоционального переосмысления данного высказывания говорящим.

Результатом эмоционального переосмысления является и омонимия высказываний. Ср.: **Спасибо** – как «благодарность», как «возражение», как «обида»; **Привет** – как «приветствие», как «прощание», как «возражение»; **Здравствуй(-те) (Здрасьте)** – как «приветствие» и как «удивление».

Высказывания **Смени(-те) пластинку, Его (ее, тебя, нас, вас, их) только не хватало**, которые сродни фразеологическим единствам (ср.: *намылить голову* в прямом значении и омонимичном – «побранить»), употребляются и в буквальном значении, и в переносном.

[Вера Ивановна:] *Но вы же в театр собирались.* [Катя:] *Ой, мама, смени пластинку.* {= Смени тему разговора.} (Э. Володарский, Беги, беги, Вечерняя заря).

[Бусыгин:] *Будет дождь.* [Сильва:] **Его только не хватало.** {= Как он некстати.} (А. Вампилов, Старший сын).

Описанные выше факты дают основание для некоторых теоретических обобщений. Речь передает то, что нужно сообщить говорящему применительно к данной ситуации, включая и слушателя. Говорящий в силах – в известных пределах – изменять связи, установившиеся в знаке (если рассматривать предложение как знаковую систему) между означаемым, означающим и действительностью. Таким образом, высказывания часто оказываются «на поводу» у говорящего, а также слушателя. Каждый шаг (иначе – каждое употребление) высказывания может стать практикой, преобразующей и обновляющей его значение. Значение, которое имеет в виду говорящий, может включать нечто большее, чем буквальное значение предложения, или даже быть противоположным ему. Ср.: **Ну и быстро же ты пришел!** (в значении «медленно»); **Ну и умный же ты!** (в значении «глупый»); **Много ты понимаешь!** (в значении «не понимаешь»); **От тебя дождешься!** (в значении «не дождешься»). Переосмысление происходит благодаря иронической интонации. Интонацию в высказывании задает говорящий. Лингвист же, сталкиваясь с этим явлением, должен решить, является ли данное языковое выражение, передающее в некотором конкретном случае то или иное конкретное сообщение, конвенциональным или нет. При решении вопроса о конвенциональности/неконвенциональности употребления высказывания в том или ином значении за основу следует брать частотность и повторяемость их употребления в речи, так как частотность и повторяемость употребления – показатель выражения молчаливого согласия членов социума.

Таким образом, многозначность, омонимия и антонимия высказывания (как проявление содружества или антагонизма лексической и конситуативной семантики) – это результат эмоционального переосмысления его значения говорящим в той или иной конситуации. Слушающий же в процессе общения дифференцирует значения высказывания благодаря ситуации и интонации.

Интонация позволяет эксплицировать любое скрытое значение («значение говорящего»). Эксплицируется то, что имплицитно содержится в высказывании. Имплицитность предполагает потенциальную эксплицитность. Имплицитность как лингвистическое явление существует постольку, поскольку существует эксплицитность, то есть имеется оппозиция имплицитность – эксплицитность (заметим – нет системы из одного знака). Неэксплицируемая информация (или значение), на наш взгляд, внутренний мотив, но не имплицитный смысл. Имплицитные значения легко воспринимаются носителями языка. Иностранцам же такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место

в обучении иностранцев живой русской речи. Такие стереотипные высказывания, или стационарные предложения, как *Здравствуй(-те), Я ваша тетя, Очень нужны они мне! Хрен я ей верну*, в повседневной речи русских употребляются как в буквальном, так и в переносном значениях (*Здравствуй(-те)* – как «приветствие» и как «удивление»; *Я ваша тетя* – в буквальном смысле и как «удивление-возражение»; *Очень нужны они мне!* – как «необходимость» и наоборот; *Хрен я вам верну* – в прямом значении и в значении «ничего не верну»). Омонимия данных высказываний – это результат их эмоционального переосмысления говорящим. Задача языковедов-практиков – уделить серьезное внимание описанию омонимичных высказываний при обучении, в данном случае, русскому языку как иностранному, ибо они нередко затрудняют процесс общения и в ряде случаев даже представляют опасность: возникает возможность неверного осмысления реплики.

Яркой иллюстрацией изложенного может служить анекдот, рассказанный профессором МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой: за границей женщину, говорящую только по-русски, судят за кражу: [Судья:] *Вы обвиняетесь в том, что украли курицу. Это правда?* [Подсудимая:] *Брала я вашу курицу!* [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что она курицу взяла.* [Судья:] *Зачем вы это сделали?* [Подсудимая:] *Да отстаньте! Нужна мне ваша курица!* [Переводчик:] *Она говорит, что курица была ей нужна.* [Судья:] *Вы специально приехали к нам, чтобы воровать?* [Подсудимая:] *Ну как же, я нарочно из Одессы приехала, чтобы украсть вашу курицу. Делать мне больше нечего!* [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что приехала из Одессы специально, чтобы заниматься преступной деятельностью, так как дома она не может найти работу.*

[Судья:] *Да за это вас могут посадить в тюрьму – на срок до шести месяцев!* [Подсудимая:] *Всю жизнь мечтала оказаться за решеткой.* [Переводчик:] *Она говорит, что главная цель ее жизни – попасть в тюрьму.* [Судья:] *Она что, сумасшедшая?* [Подсудимая:] *Здравствуйте, я ваша тетя!* [Переводчик:] *Она вас приветствует и говорит, что является вашей близкой родственницей.* [Судья (устало):] *Ну если она родственница, то пусть заплатит хотя бы штраф.* [Подсудимая:] *Хрен вам!* [Переводчик:] *Подсудимая предлагает расплатиться овощами!* [Судья:] *Уберите отсюда эту ненормальную!* [Подсудимая (уходя):] *Ну и пёс с вами!* [Судья (испуганно):] *Что, что она говорит?* [Переводчик:] *Если я правильно понял, она уходит, а собаку оставляет вам* [12].

Неправильное понимание подобных высказываний иностранцами/инофонами (если исключить фактор «интонационной глухоты») свидетельствует об отсутствии у них знаний о существовании в русском языке их переносного употребления, а также незнании таких модусных смыслов, как «отрицание через утверждение» и «утверждение через отрицание», то есть аккумулятивная функция языка, или функция накопления общественного опыта и знаний, низведена до нуля. Другая причина – отсутствие данных значений в родном языке: например, во французском или английском языках названные высказывания в указанных значениях не употребляются, даже как окказиональные.

Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Значение как категория семиотики // Вопросы философии. 1965. № 1. С. 56–66.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах современных лингвистов // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 299–314.
6. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. 239 с.
7. Гарпушкин В. Е. Некоторые методологические вопросы определения значения «значения» // Проблемы методологии философского исследования. Горький, 1972.
8. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 368–377.
9. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
10. Лаптева О. А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 345–353.
11. Михальчук Т. Г. Речевой этикет в произведениях Виктории Токаревой // Русский язык и культура (изучение и преподавание): Сборник. М.: ЭКОН, 2000. С. 188–190.
12. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова. СПб., 2013. № 2. С. 72–80.
13. Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. 150 с.
14. Слюсарева Н. А. Теория Фердинанда де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 112 с.
15. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Русский язык, 1982. 207 с.
16. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 67–82.

17. Щербань Л. В. Восточнолужицкое наречие. Пг.: Тип. А. Э. Коллинс, 1915. Т. 1. 194 с.
 18. Searle J. R. Indirect speech acts // *Syntax and Semantics*. New-York; San-Francisco; London, 1975. Vol. 3. P. 59–106.

Matevosyan L. B., Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

THE MEANING OF UTTERANCE IN THE CONTEXT'S "COBWEB"

In the process of communication a speaker influences his listener and encourages the listener in understanding his intention. The meaning that the speaker has in mind is not always the same as the objective meaning of the utterance. Rather frequently the same utterance may have multiple meanings that are situationally determined and formalized. In the process of communication the listener differentiates them by the intonation and context. The ability to feel and recognize emotional and expressive shades of utterance meanings, to select a desired response in a given situation, and to find the right intonation facilitates in communication and mutual understanding. A chosen response sets the tone, determines the atmosphere of the dialogue and its final outcome. For foreigners these meanings often come as incomprehensible and sometimes are rather unexpected, therefore, this problem should be addressed in the course of foreign students' language training.

Key words: utterance, live Russian speech, multiple meanings, context, intonation

REFERENCES

1. Abramyan L. A. Meaning as a Category of Semiotics [Znachenie kak kategoriya semiotiki]. *Voprosy filosofii*. 1965. № 1. P. 56–66.
2. Arutyunova N. D. Factor the Addressee [Faktor adresata]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981. Vol. 40. № 4. P. 356–367.
3. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry, 1961. 394 p.
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
5. Valyusinskaya Z. V. The Problems in Studies of Dialogue in the Works of Modern Linguists [Voprosy izucheniya dialoga v rabotakh sovremennykh lingvistov]. *Sintaksis teksta*. Moscow, Nauka Publ., 1979. P. 299–314.
6. Vasil'eva A. N. *Kurs lektsiy po stilistike russkogo yazyka: Obshchie ponyatiya stilistiki, razgovorno-obikhodnyy stil' rechi* [A Course of Lectures of Russian Language Stylistics: General Stylistics, Everyday Speech]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1976. 239 p.
7. Garpushkin V. E. Some Questions of Determining Meanings of "Meaning" [Nekotorye metodologicheskie voprosy opredeleniya znacheniya "znacheniya"]. *Problemy metodologii filosofskogo issledovaniya*. Gorkiy, 1972.
8. Dem'yankov V. Z. Pragmatic Basics Interpretation Utterance [Pragmaticcheskie osnovy interpretatsii vyskazyvaniya]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981. Vol. 40. № 4. P. 368–377.
9. Dridze T. M. *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya* [Language and Social Psychology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 224 p.
10. Lapteva O. A. Language Usage as the Arena of Language Changes [Uzuz kak arena yazykovogo izmeneniya]. *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. P. 345–353.
11. Mikhail'chuk T. G. Speech Etiquette in the Works of Victoria Tokareva [Rechevoy etiket v proizvedeniyakh Viktorii Tokarevoy]. *Russkiy yazyk i kul'tura (izuchenie i prepodavanie): Sbornik*. Moscow, EKON Publ., 2000. P. 188–190.
12. Pankov F. I. The Functional-communicative Grammar and Russian Language Picture of the World [Funktsional'no-kommunikativnaya grammatika i russkaya yazykovaya kartina mira]. *Mir russkogo slova*. St. Petersburg, 2013. № 2. P. 72–80.
13. *Printsipy opisaniya yazykov mira* [The Principles Describing the Languages of the World]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 150 p.
14. Slyusareva N. A. *Teoriya Ferdinanda de Sossyura v svete sovremennoy lingvistiki* [Theory of Ferdinand de Saussure in the Light of Modern Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 112 p.
15. Cheremisina N. V. *Russkaya intonatsiya: poeziya, proza, razgovornaya rech'* [Russian Intonation: Poetry, Prose, Everyday Speech]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1982. 207 p.
16. Shvedova N. Yu. To Study Russian Dialogic Speech. Replica-replays [K izucheniyu russkoy dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory]. *Voprosy yazykoznaneya*. 1956. № 2. P. 67–82.
17. Shcherba L. V. *Vostochnoluzhitzkoe narechie* [East Sorbian Dialect]. Petrograd, Tip. A. E. Kollins Publ., 1915. Vol. 1. 194 p.
18. Searle J. R. Indirect speech acts // *Syntax and Semantics*. New-York; San-Francisco; London, 1975. Vol. 3. P. 59–106.

Поступила в редакцию 02.02.2016